

КТО ОН ТАКОЙ — ПЕТЕРБУРЖЕЦ?

Эта статья представляет собой изложение содержания большого исследовательского проекта “Качество населения Санкт-Петербурга”, руководимого Б. М. Фирсовым. В ней использованы материалы, который подготовили следующие участники проекта: Б. Е. Винер, Я. И. Глинский, Б. И. Глуховец, С. И. Голод, В. Б. Голофаст, И. Н. Гурвич, Б. З. Докторов, Л. Е. Кесельман, И. Г. Киселева, А. А. Клецин, Н. В. Клинецкая, М. Э. Коган, Н. Р. Корнев, П. Н. Лебедев, В. В. Лецович, Р. С. Могилевский, Л. В. Панова, Т. З. Протасенко, Н. Л. Русинова, О. Н. Семенова, И. И. Травин, В. Г. Узунова, Б. М. Фирсов, Н. Е. Чистякова. Тревога за судьбы людей на нашей планете и особая забота о будущем России лежит в основе выбора темы проекта, над реализацией которого вот уже больше года работает большая группа ученых. Являясь принципиально новым направлением фундаментальных отечественных и зарубежных социологических исследований, проект ставит своей целью на основе оригинальных теоретических и методических разработок, путем сбора обоснованной информации оценить качество населения с точки зрения его духовных и интеллектуальных потенций и способностей выдерживать нагрузки современного исторического развития и социальных изменений. Ниже мы знакомим читателей с первыми результатами исследований.

134

“Качество населения” в условиях радикальных социальных изменений российского общества

По определению, население — это совокупность людей, осуществляющих свою жизнедеятельность в границах той или иной социальной общности (цивилизация, государство, регион, город и т. п.). Специалисты по народонаселению, сконцентрировали свое внимание на характеристиках совокупности людей и стали “примерять” к ней набор свойств. В большинстве случаев они обходились восемью-девятью признаками, сопряженность которых не рассматривалась. В то же время надо признать, четыре показателя: здоровье, образование, профессиональный состав и квалификационная структура — повторялись из работы в работу (1).

Такое понимание имеет свою логику. Совокупность людей с хорошим здоровьем, образованных, профессионально обученных и имеющих высокую квалификацию предпочтительнее, чем, к примеру, популяция с неудовлетворительным здоровьем, имеющая высокие показатели по всем остальным трем параметрам.

Вероятно, простота и прозрачность названных переборов создавали иллюзию сравнительной легкости решения задач, связанных с качественным обновлением населения страны. Казалось, стоит пересмотреть некоторые принципы здравоохранения, узаконить всеобщее среднее образование, реализовать политику массового повышения квалификации рабочих и служащих и проблема будет во многом решена. Эффект оказался во многом обратным ожидавшемуся — характеристики здоровья ухудшились, экономические показатели снизились, нравственные ценности подверглись девальвации.

Российское общество, вступившее в Февральскую революцию с 80% неграмотных, смогло в 1917 г. выдержать только девять месяцев демократии (2). Не стоит ли обоснованно ответить на вопрос, какими потенциями обладает население для того, чтобы пережить нынешний переход к новым социально-экономическим условиям?

Крупные общности обладают одним замечательным свойством — способностью к самосохранению (3). Система, построенная при Сталине, была исторически обреченной. Но не следует отрицать и того, что она все-таки прошла через цикл развития, когда, с одной стороны, наблюдалась явная “болезненность и кратковременность” расцвета, а с другой — рано наступившие признаки “старости”, утраты “витальной силы”, олицетворением которой был тоталитарный “варварский” потенциал общества (4).

Полагая, что страна необратимо вступила на путь построения нового общества, целесообразно исторический этот шанс поставить в прямую зависимость от некоего, пока неисчисленного объема человеческих ресурсов, от величины “витальной силы”, т. е. от качества населения, которым определяется созидательный (деятельный), а не “варварский” потенциал нашего общества. Ведь переход к демократии и рынку может оказаться долгим и мучительным. Он уже сейчас сопровождается неудачными попытками, волнами социального отчаяния и иными проявлениями социальной патологии, зависящими не только от жизнеспособности населения в медико-биологическом или демографическом смысле, но и от социальной жизнеспособности (адаптивность к макро-социальным условиям и их изменениям).

Мера готовности к трансформации социально-экономических отношений

Можно согласиться с утверждением о том, что имеет место сравнительно медленное изменение “человеческого материала” общества, социальных типов человека, со всей неизбежностью наследуемых от предшествующей эпохи, где они доминировали на фоне других, малозначащих, если угодно, свойств людей. Также правомерно думать, что многие из качеств “человека советского” суть некая аномалия в сравнении с качествами людей в тех обществах, где продвижение к более гуманным способам деятельности оказалось примером, достойным подражания (5).

Мера усвоения, принятия ориентаций на индивидуалистическую традицию, в рамках которой акцент делается на самоценности индивида, его свободу, автономию и право и возможности определять самому свои жизненные цели, интересы и направления деятельности, на способности к проявлению самостоятельности и инициативы, на ответственность за свою судьбу и благополучие своей семьи есть одно из ведущих свойств современного человека, выражение готовности отвечать на вызовы цивилизации (6). Проблема здесь состоит не в определении, а в том, насколько такая ориентация превращается в массово-признанную, практически активно воздействующую на историческую судьбу того или иного общества. Естественно, что она опирается на принципы экономической и политической свободы и на экономическое принуждение, без которых нельзя себе представить высокий уровень динамизма общества, не говоря уже о правах на автономию и свободу “частной жизни”.

Аномалия состоит в том, что в условиях нашего государства и общества индивидуализм как мировоззрение осуждался официальными идеологическими догмами и, более того, рассматривался как позиция изначального противопоставления интересов индивида интересам и целям общества. Отрицался даже демократический вариант индивидуалистического мировоззрения, хотя развитие институтов демократии в западных странах помогло признанию равенства всех членов общества,

обязанности считаться с правами, стремлениями и интересами других людей, породило достаточно развитую этику труда.

Возможно, что в этом месте можно было бы и закончить “оду” индивидуализму, но все же следует сказать, что внедрение этой философии исторически оказалось связанным с двумя типами реакций. История развитых капиталистических стран свидетельствует о многочисленных случаях “грубого” индивидуализма, воинствующего консерватизма, упрямого и догматического традиционализма, не раз отбрасывавшего сами страны назад и побуждавших искать ресурсы для преодоления этих рецидивов антигуманизма. Еще один вид реакции делал акцент на самоценности индивида, всегда допускал новые варианты, готовность к критической саморефлексии, к внутреннему саморазвитию и перенастройке. Собственно второй тип вышел победителем в борьбе с монополизмом и бюрократией в странах Западной Европы и США. Естественность и априорная возможность порождения таких реакций являются гарантией того, что и в наших переходных условиях удастся преодолеть серьезные общественные страхи, связанные с очевидностью утрат преимуществ социализма.

Другим выражением и следствием демократического варианта индивидуалистической ориентации являются случаи, когда человек получает возможности нетривиальным способом утверждать свою независимость. По всей видимости, свидетельствует история, в каждом народе были и есть носители психологически избыточных черт, неадаптивных и даже дисфункциональных по отношению к господствующим в данный момент социальным порядкам, стандартам общепринятого поведения (7). Историей средних веков нам навеяны образы шутов, юродивых, образы иных чудаков, против которых общество восставало и даже прибегало к осуждению и репрессивным мерам. Однако без этих “несимметричных”, альтернативных характеров и социальных ролей представления о качестве населения и в наше время оказались бы неполными.

Важно заметить, что это представление имеет биологические корни. В учении о биоэволюции различаются два вида эволюционных изменений: идиоадаптация — проявление действия частных изменений, позволяющих данному организму приспособиться к данной среде; ароморфоз — усложнение организации и функционирования живого организма, появление реакций, которые не являются точным, в буквальном смысле, ответом на требования среды (8). Речь идет о формах поведения и ролях, кажущихся избыточными или противоестественными в данный момент, но могущих оказаться чрезвычайно важными в будущем. Ароморфоз в человеческом обществе, по предположению, зависит от уровня гуманитарной культуры. Чем выше развита последняя, тем заметнее разнообразие качеств “человеческого материала”, их неординарность. Богатство качеств — наиболее существенная предпосылка решения основных проблем, связанных с построением нового демократического и экономически развитого общества в России.

Антиподом демократической индивидуалистической традиции является вариант радикально-уравнительской философии и идеологии. Их отношение и силу, с которой оба вида мировоззрения выражаются, можно считать “каркасом” качества населения, тем более, что за этим соотношением стоят разные способы понимания справедливости и разные системы морали.

Цивилизационному тренду, согласно которому наблюдается повсеместный рост притязаний людей на повышение качества их жизни, не противоречит высокая готовность к индивидуальному существованию.

Роль истории и этнокультурного фактора

Если качество населения определяется природой деятельности, то сама природа в данном случае зависит от типа цивилизации и базовых этно-культурных ценностей населения. К примеру, нельзя усомниться в том, что Швеция и Япония, Германия и Россия, пребывая в канун XXI в. в границах общей техногенной цивилизации, имеют, тем не менее, принципиально отличный качественный состав населения.

Одной из важнейших характеристик техногенной цивилизации является интеллектуальная и поведенческая автономия индивидуального человека. Сейчас же наступила пора уяснить: насколько она присуща русскому этносу. Сравним для этого влияние принципов протестантской и православной этики на трудовую деятельность.

В протестантизме, как показал М. Вебер, труд получает приоритет несомненного богоугодного дела, очевидно, поэтому он осознается индивидом как долг перед обществом и самим собой. Образно говоря, в трудовом процессе происходит торжество божественного предначертания. С таким народом (по замечанию Д. Фурмана) возможно сделать все, что угодно, однако он довольно быстро восстановит свои жизненные принципы. Его можно разбить в войне, ограбить, выселить с земель, на которых сотни лет жили его предки, искусственно разделить его между двумя разными государствами и заставить одно из этих государств жить по-социалистически, как Советский Союз сделал это с немцами, — все равно пройдет какой-то период времени и немцы будут жить лучше, чем русские (9).

Кардинально иначе складывалось трудовое поведение на Руси. В славянском этносе переплелись религиозно-православные представления о труде как предопределенном искуплении за первородный грех и жестко выстроенная социальная иерархичность — зависимость от царя, барина, чиновника. Отсюда проявления безинициативности, иждивенчества, общинной уравниловки, безразличия к чужому имуществу и зависть к более умелому и обеспеченному соплеменнику. Кстати, эту общую картину прекрасно оттеняют старообрядцы, у которых, подобно протестантам, труд есть единение с Богом.

Несколько утрировано, но по большому счету верно высвечены типичные черты трудовой деятельности русского человека Е. Майминасом: скорее размахистость и авральность, чем методическая трудолюбивая добросовестность в работе; терпеливая готовность к плохим условиям и большим нагрузкам; подвижническая жертвенность, возмещающая непредусмотрительность в труде; склонность к мечтательному и масштабному прожектерству, отодвигающая на задний план повседневную расчетливость, деловитость и обоснованный прогноз; коллективизм и взаимопомощь в труде при нехватке личной ответственности и настороженно отрицательном отношении к индивидуальным усилиям (10). Очевидно, поэтому индивидуальность в труде воспринимается иной раз как уникальность. Мастер-умелец, это известно каждому, подковывал даже блоху.

К обрисованным моральным принципам и традициям можно относиться по-разному, но они сложились именно такими, а не другими. Потому и встает вопрос: возможно ли радикальное изменение характера и ценностей трудовой деятельности в стране без нарушения этнокультурного своеобразия?

Если зафиксированная специфичность в труде не фантом, то разумно ли, пренебрегая собственными этнокультурными ценностями, копировать, например, американский путь социально-экономического развития? Скажем то же самое иначе: возможна ли коренная трансформация деятельности российского населе-

ния по выработанным другой культурой образцам? Легко предвидеть многозначность ответа.

С одной стороны, убеждены, не требует дополнительных доказательств факт неосуществимости безоговорочного переноса ценностно-нормативной системы и свойств североамериканского населения на отечественную почву. В качестве практически мало проверяемого положения, выскажем такую гипотезу: фермерство в строгом смысле в обозримом будущем, как массовое явление — России не грозит. С другой — памятуя о том, что многие народы пребывают в границах одной и той же техногенной цивилизации, к их качественному составу, нет сомнений, должны предъявляться тождественные или хотя бы изоморфные требования (скажем, к нравственности, образованию, профессиональной подготовке).

Необходимо прямо сказать: противоречия между этнокультурными и цивилизационными началами не приведут к неразрешимой тупиковой ситуации. Наш умеренный оптимизм основывается на следующем.

Любая культура содержит в себе многообразие возможных смыслов, один из которых, реализуясь и актуализируясь в ценностно-нормативных системах, становится доминантным, сдвигая на периферию другие, альтернативные аксиологические ориентации. Впрочем, сдвиги на этом не заканчиваются, они перманентны (11). Сегодня (что явно бросается в глаза) на роль преобладающей ценностно-нормативной системы в нашей стране претендует — “возрожденческая”. На этой волне, в первую очередь, подверглось реабилитации православие. И даже больше того, оно прямо и косвенно поддерживается формирующимися социальными институтами. В сущности, это понятно: у официальных структур отсутствуют позитивные идеи. “Возрожденчество” — очередная российская мифологема, традиционно ориентированная на закрепление господства общественных интересов над личностными, а это в корне противоречит “продвинутым” ступеням техногенной цивилизации. Решающее значение в этой связи приобретают элитарные группы, которые, как показал исторический опыт, являются генераторами новых идей и нормативных систем, могущих при благоприятных условиях реализовываться в практической деятельности.

Груз прошлого

Распространенное мнение о том, что экономическая реформа тормозится по политическим и идеологическим соображениям “старой номенклатурой” и прочими защитниками прежних порядков, не отражает полностью существа дела. Наиболее сильное торможение вызывается сопротивлением основной массы людей. Реформы вязнут в “человеческом материале”, весь жизненный опыт которого вырабатывал у него совсем другие качества. Только через посредство накопленного опыта, культивируемых ранее качеств большинство населения воспринимает изменения и вырабатывает реакции на новые требования жизни. Энергичные толчки извне (например, потеря постоянной работы или угроза этого, непривычно растущие цены, возросшее неравенство в доходах) делают свое дело, настоятельно требуют форсированных перемен в поведении, выработки новых качеств, но процесс их обретения не может быть быстрым.

Концентрация всего национального богатства в распоряжении централизованного государства привела к тому, что в СССР образовался “общий котел” ресурсов, из которого госорганы могли брать сколько угодно и использовать по своему усмотрению. Ничем не ограниченное распоряжение всеми ресурсами страны открывало возможность для произвольного установления пропорций между долями накопления

и потребления в национальном доходе. Понятно, что приоритет всегда отдавался первому. Давно сформировался стереотип мышления, согласно которому увеличение ресурсов на потребление признавалось как досадное ущемление экономической мощи государства, сдерживание его великодержавных амбиций в мире. Отсюда установка на минимизацию доли потребления в национальном доходе, строгий контроль со стороны госорганов за мерой потребления, культивирование эгалитаризма и низкого потребительского стандарта для всего населения.

Не удивительно, что в ходе многолетней практики государственного распоряжения всеми ресурсами страны в обществе выработался и закрепился особый менталитет и соответствующий ему тип экономического поведения людей. Имеется в виду распространенность представлений о справедливости уравнительного распределения и о моральной оправданности скудного, но гарантированного материального достатка. Понятно, что этому сопутствовали неразвитость, скованность способности к предпринимательской деятельности и коммерческому посредничеству, которые фактически чаще всего проявлялись в различного рода хищениях и присвоениях (с использованием служебного положения) государственного имущества.

Когда были надежно перекрыты все легальные возможности обретения экономической независимости, никто из законопослушных граждан не мог избежать участи трудиться в рамках государственной "единой фабрики". Для них право на труд по существу трансформировалось во всеобщую трудовую повинность. Социалистическое государство, взявшее под свой контроль все средства к жизни, в представлениях многих поколений естественным образом несло на себе и "бремя забот" о нуждах народа. Такое "отеческое" отношение государства к гражданам — удобный способ выдавать установление полной экономической зависимости населения за проявление заботы о нем. Государство все давало людям, потому что всем владело и всем распоряжалось.

Многолетний опыт патерналистского перераспределения благ из "общего котла" выработал особую картину мира в сознании большинства людей, характерные для этого социальные установки и поведенческие стереотипы. Важной чертой социальной реальности стало привычное ожидание благ и разного рода поблажек от властей, неумение людей заботиться о себе в меру своих способностей. В тех случаях, когда кто-то считал себя обделенным или обманутым, в ход шли разного рода жалобы и заявления в партийные и государственные органы, для работы с которыми в этих органах были созданы специальные отделы.

Таков закономерный итог многолетнего существования социалистического строя. И в странах Восточной Европы наблюдается почти та же картина, хотя там период социалистического строительства был менее продолжительным. Особенно контрастно это проявилось в Германии. Когда была разрушена берлинская стена и немцы воссоединились, они сразу обнаружили, что между ними открылась невидимая ранее пропасть. Восточные немцы остро ощутили комплекс неполноценности по отношению к своим западным соотечественникам, а те, в свою очередь, увидели неготовность первых включиться в новую жизнь в принципиально иной социально-экономической среде.

В России социально-психологические эффекты социализма куда более значительны, во-первых, из-за большей длительности существования социализма, во-вторых, в силу живучести прежних общинных традиций. Не случайно именно в русской литературе появление социалистического патернализма было пророчески предсказано еще в прошлом веке. Роковую ситуацию, когда патернализм сверху подкрепляется ожиданиям благ снизу (и наоборот), раскрыл Ф. М. Достоевский.

В поистине пророческом фрагменте романа «Братья Карамазовы», озаглавленном «Легенда о Великом инквизиторе», Достоевский устами своего героя говорит о том, что «в отличие от христианства — религии сильных и предприимчивых, — мы создадим религию для остальных миллионов, многочисленных, как песок морской, слабых...» Легендарный персонаж Достоевского хорошо понимает, как насаждать веру среди несвободных и к чему это ведет. «Получая от нас хлебы, они ясно будут видеть, — вещает он, — что мы их же хлебы, их же руками добытые, берем у них, чтобы им же раздать, безо всякого чуда, увидят, что не обратили мы камней в хлебы, но воистину более, чем самому хлебу, рады они будут, что получают его из рук наших».

Сегодня можно с уверенностью утверждать, что прошлый опыт социалистического строительства вместе со всей его идейной апологией окончательно дискредитирован. Но еще рано рассчитывать на то, что вместе с этим развенчана идея уравнительного распределения и гарантированного государством материального достатка для большинства. Прошлый опыт, социальные установки и ожидания еще долго будут давать о себе знать. И в этом, пожалуй, проявляется один из самых существенных комплексов качеств населения.

От культурной элиты к образованному классу

140

В результате социально-культурных реформ уже в начале XIX в. в России сложился относительно однородный в социальном плане культурный класс — дворянство, которое, хотя и питало правящую элиту, но сохраняло дистанцию по отношению к структурам власти. Лидеры дворян пытались даже наладить диалог, если не в масштабах всего общества, то, по крайней мере, в пределах высших самостоятельных его элементов. Однако после 1812 г. и особенно после 1825 г. взаимодействие культурной элиты и структур власти осложнилось. Культурный класс автономизировался, а властные структуры бюрократизировались.

Параллельно этим процессам быстро росла сеть образовательных учреждений, питавших новые институты модернизовавшегося общества. Но теперь образовательная машина уже не могла функционировать на основе привилегий и без развитого формального школьного образования. Трудности комплектования контингента преподающих и обучающихся для государственно организованной высшей школы (в отсутствие развитой сети светского начального и среднего образования) сделали социальную базу высшего образования всесословной. Это положение было закреплено юридически с 1804 г. Попытки восстановить или защитить былую культурную монополию дворянства продолжались на протяжении всего XIX в., но были безуспешны. Довольно быстро стало ясно, что выходцы из дворянских семей не выдерживали конкуренции в момент поступления в военные специальные или гражданские высшие учебные заведения — они были плохо подготовлены, несмотря на широкую сеть сословных пансионов. Университеты оказались более мощным механизмом, чем самые элитарные лицеи. А когда утвердилась система гимназий и реальных училищ, то разночинцы уже доминировали среди выпускников университетов. Более того, со стороны министерств и финансовых, промышленных, коммерческих и бюрократических слоев давление в сторону увеличения их числа становилось все ощутимее. Итогом этих процессов стала не только утрата монополии дворянского класса на «высокую» культуру, но и определенная деградация дворянства.

Еще одним, третьим полюсом культурной жизни, кроме ортодоксии церкви и клира, оставалась традиционная народная (крестьянская) культура. Но вплоть до появления земства крестьянское образование формализовывалось медленно. За

крестьянство думали другие слои. Позже этот процесс стимулировал зарождение народничества.

С появлением специалистов и экспертов в институтах государства, во всех ведущих секторах общества воспроизводство культуры утратило традиционный семейно-сословный и локально-региональный характер. Оно теперь регулировалось из центра страны и носило форму экспансии имперских административных структур, норм и правил.

В середине XIX в. возникло славянофильство — сплав элитных и народно-патриотических ориентаций. Значительные разночинные фракции в поисках национальной идентичности стояли на позициях западных (в соответствии с духом университетской системы). Позже они качнулись в другую — народническую крайность, а затем опять возвратились в радикально западную сторону — к марксизму, социал-демократии, социализму и коммунизму. Характерно, что <всословный> образованный класс оставался равнодушным к самым глубоким традиционным ценностям. Религиозное возрождение, русская реформация его не интересовали. Бастион церкви казался либо нерушимым, либо безнадежно непригодным для универсалистских целей и ценностей. Здесь, вероятно, нужно искать объяснение стремительности и легкости атеизации жизни общества после 1917 г.

К началу XX в. и первой мировой войны образованный класс России, наиболее заметно представленный в населении Петербурга, оказался расколотым на политически отчужденное радикализованное меньшинство и большинство (более или менее успешно интегрированное в систему институтов государственной власти), потерявшее, однако, интерес к политике, к крупномасштабным инициативам. Последовавшая затем полоса политических и экономических потрясений, начавшихся в 1913 г. и длившихся до конца 1920-х гг., усилила раскол, дезинтеграцию этой части российского общества. Эмиграция, деклассирование и вынужденный выбор политических позиций негативно сказались на морали, социальном самочувствии образованных слоев города. Экономическая деградация статуса изменила стиль жизни и социальную идентичность. В структуре культурного капитала образованных людей оказалась подорванной ориентация на общую культуру и ее классические образцы.

Отсюда крайне актуальной представляется попытка реконструкции социальной истории высшего образования в Петербурге-Ленинграде-Петербурге, включая институциональные последствия этого процесса для качества образованных контингентов населения. Известно, что система высших учебных заведений в ответ и под влиянием отраслевой структуры промышленности, властных и административных служб Ленинграда (от которых зависели рабочие места и социальное продвижение выпускников вуза) участвовала в отборе людей “определенного сорта”. Само качество образованных слоев должно быть рассмотрено в прямой его зависимости от профессиональной классификации, а внутри каждой профессиональной категории — с учетом путей движения в элиту, в ряды номенклатуры и необходимых для этого свойств и широко понимаемых возможностей.

“Факторы Петербурга”, воздействующие на структуру, состав и некоторые характеристики его населения

К числу географических факторов, в первую очередь, следует отнести достаточно сложные климатические условия города, определяемые близостью его местоположения — на 60-м градусе северной широты — к Северному полярному кругу: сравнительно малое количество солнечных дней, влажный морской климат. 60-я параллель — географический пояс, где практически отсутствуют горо-

да подобного масштаба. Севернее Санкт-Петербурга в России находятся Архангельск, Мурманск, Петрозаводск, Норильск; в Европе на этой же параллели расположены Осло и Хельсинки, а в мире — Аляска, Северная Канада. Все перечисленные города и территории традиционно определяются как “северные”, “приполярные” и т. п. По-видимому, эта совокупность географо-климатических факторов воздействует на здоровье населения, но реальная оценка может быть получена лишь в результате сравнения.

Приморское положение города, естественно, предопределяет и его функцию крупного морского и речного порта. Это, в свою очередь, служит предпосылкой для формирования значительных специализированных групп населения, занятия которых связаны с морем: моряки, портовики, судостроители и т. п.

Большое значение для Санкт-Петербурга имело его геополитическое положение, определявшееся тем, что в разные периоды город оказывался в непосредственной близости к западным границам страны (до 1807 г., в 1917-1940 гг., после 1989 г.).

До революции в городе постоянно располагался значительный гарнизон (гвардейский корпус, армейские части, военно-административные и военно-учебные заведения). На рубеже XIX-XX вв. доля военных в населении города составляла 3-4%. Ныне их удельный вес уменьшился, но численность, по-видимому, даже возросла — в настоящее время в городе и пригородах размещено около 25 военных училищ и академий. Таким образом, военное население города является его постоянной и достаточно значимой компонентой.

Санкт-Петербург в прошлом — столица огромной империи. Одно из неминуемых следствий этой функции города — огромный аппарат управления и многочисленное “служилое” население, чиновничество. Утрата столичной роли, естественно, привела к определенному сокращению бюрократического аппарата, однако даже в областных партийно-советских структурах он был еще достаточно многочисленным. Другое следствие — полиэтничность петербургского населения и, в этой связи, поликультурность, поликонфессиональность. Если первое качество сохранилось и в советский период, то активное возобновление деятельности религиозных общин началось лишь в последние три-четыре года. Важно установить, в какой мере можно считать его исторически неизменным качеством.

Геополитическое положение города повлияло на специфику экономического развития. Первый его этап (XVIII — первая половина XIX в.) — доиндустриальный — был связан в том, что в этот период были заложены основы того, что ныне получило название ВПК. Первые и самые крупные предприятия, расположенные в городе и ближайших окрестностях — Адмиралтейские верфи, Ижорский, Сестрорецкий, Обуховский заводы, пороховые заводы — должны были обеспечивать обороноспособность одного из ключевых приграничных военных округов. Таким образом, формировался специфический отряд петербургских рабочих — работники “казенных” заводов. Доныне это одна из самых значимых социальных групп: из 700 тыс. Петербургских машиностроителей около 500 тыс. Работало до недавнего времени в оборонных отраслях.

Совершенно специфична и уникальна социокультурная функция Санкт-Петербурга. На его территории, начиная с XVIII в., складывались практически все отрасли профессионального образования — военного и гражданского. Именно в Петербурге были сосредоточены центры подготовки специалистов в области горного дела, путей сообщения, гражданского строительства, различных отраслей техники, естественных наук. Сюда же следует отнести и развитую систему гуманитарного образования и подготовку представителей творческих профессий. Образованная часть населения, имевшая весьма высокий уровень подготовки, стала базой и для развития науки, становления петербургских научных школ.

Вышеприведенных примеров, определяющих, каким образом объективные факторы развития города воздействовали на структуру его функций и на формирование специфических групп населения, достаточно, чтобы понять особый характер города. Перечисленные факторы естественным образом влияли и на его градостроительно-планировочную структуру, социальную топографию. Можно утверждать с уверенностью, что большинство нынешних функций города, основные социальные и профессиональные группы его населения — это исторически устойчивые феномены, имеющие длительную и своеобразную историю развития и во многом определяющие особый характер Петербурга.

О гипотезах исследования

Гипотеза, связанная с предметом изучения.

Результатом предпринятого анализа явилось приближение понятия “качества населения” к процессам, которые так или иначе выражают приспособленность населения к требованиям данной социально-экономической системы, к нагрузкам исторического развития и социальных изменений.

Если допустить, что такая адаптированность в реальности может быть обнаружена и надежно измерена в разных сферах жизни, то гипотеза состоит в следующем. Адаптивные возможности неограничены и, что самое главное, они выступают функцией качества населения независимо от того, являются ли данные качества полученными от рождения или “благоприобретенными” в процессе воспитания (социализации) личности.

Знаменитый русский социолог П. Сорокин в своей статье “Современное состояние России” писал о том, что существует множество оснований для дифференциации людей: гении и идиоты, здоровые и больные, старики и дети, мужчины и женщины, волевые и безвольные и т. д. — все эти группы лишь обозначают вариации бесконечного разнообразия свойств индивидов (12). Стратификация населения позволяет увидеть, как непохоже “справляются с жизнью” разные элементы структуры человеческих сообществ.

Судьба любого сообщества зависит прежде всего от свойств его членов и по этой причине социологии небезразлично знать, какие качества населения одерживают верх, а какие отходят на второй план, уступая влияниям времени. П. Сорокин подводит нас к нетрадиционному представлению о неравенстве качеств населения, явно выделяя в его составе тех, кого он называет “лучшими элементами”, но на чью долю в эпоху социальных катаклизмов и напряжений выпадает долг “сжигать себя” во имя сохранения народа и его будущего (13).

Таким образом, неравенство состоит не только в различиях прирожденных способностей и приобретенного опыта жизнедеятельности. Существует неравенство затрат (“амортизация”) духовных и умственных потенций, жертвами которого становятся в силу исторических превратностей судьбы люди, считающиеся совестью народа, его защитниками и просветителями.

Гипотеза, связанная с объектом изучения

Объектом изучения выступает население Санкт-Петербурга, уникального в историко-культурном отношении города. Оно всегда в решающей мере росло за счет мигрантов, многие из которых приезжали (ют) из инонациональных регионов или сельской местности. Большинство этих людей и до сей поры выступают носителями патриархальных ценностей и традиций. У второй части мигрантов

(речь о приезжих из небольших и средних городов) традиционные стереотипы и поведенческие шаблоны будут относительно размыты. И первые, и вторые понимаются нами как носители скорее консервативных (утилитарных и инструментальных) ценностей. В то же время в Петербурге продолжает сохраняться устойчивое ядро коренных жителей, прочно связанное с иной, чем традиционная, т. е. с западной, условно говоря, ценностной ориентацией, в основе которой лежит личностная ценностно-нормативная система. Стало быть, население Петербурга, его ментальность, равно, как и многие социальные институты, например, семья, мозаичны. Причина этой мозаичности в маргинальности.

Если в коллективной картине мира возобладают “консервативные” элементы, то все реформы, призванные опереться на раскрытие личностного потенциала человека, потерпят крах. Обратное предположение (“население города наиболее европеизировано в сопоставлении с массой населения России”) в случае его подтверждения выступит источником серьезных социальных надежд.

Некоторые черты демографической специфики Санкт-Петербурга

Предпринятое уже на начальном этапе проекта определение многопроблемного поля качества населения по отдельным его “срезам” имеет свое логическое обоснование. Все исследования, первые итоги которых приводятся ниже, объединены общим концептуальным представлением о неравновесном состоянии системы: население Санкт-Петербурга — социальная среда обитания. Принято, что глубокая трансформация Российского общества и тренды изменений наиболее важных качественных характеристик населения города находятся в состоянии взаимной адаптации и являются, в конечном счете, лишь частью ответа на вызовы техногенной цивилизации.

Сравнение с данными о городском населении России и Москвы позволяют выделить специфические черты населения Петербурга. Так, уровень образования его населения выше, чем в городах России, но ниже, чем в Москве (табл. 1). Только по числу имеющих среднее специальное образование на 1000 занятого населения (275 чел.) Петербург превышает республиканский (260 чел.) и московский уровень (235 чел.).

Среди населения Петербурга в трудоспособном возрасте низка доля занятых и высока доля стипендиатов, пенсионеров и иждивенцев отдельных лиц (табл. 2). Интересно, что процент трудоспособных, имеющих два источника средств существования, в Петербурге выше, чем в Москве — 8,0 против 7,4%.

Для брачной структуры населения города характерно наличие в Петербурге значительных контингентов одиночек и живущих отдельно от семьи (табл. 3). Динамика роста численности женщин-одиночек старших возрастов удручающая. В 1989 г. на них приходилась половина от всех одиночек женского пола: если в 1979 г. из тысячи женщин-одиночек в возрасте старше 60 лет было 453, то в 1989 г. — уже 504 чел. Существование такого значительного контингента в населении города порождает множество проблем, связанных с обеспечением условий жизни мужчин и женщин преклонного возраста, не имеющих семьи, и лишенных поддержки и помощи родственников.

Средний размер семьи в Петербурге неизменен с 1970 г. и составляет 3,1 чел. Из каждой 1000 семей в 1989 г. 359 состояло из 2 человек. Это выше, чем в городах России (331) и в Москве (355) (табл. 4). В значительной мере эта ситуация объясняется ростом доли неполных семей, состоящих из матерей или отцов с детьми.

Таблица 1

Уровень образования населения (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.)*

Образование	Россия (городское население)	Москва	Петербург
На 1000 человек в возрасте 15 лет и старше имеют образование			
Высшее и среднее (полное и неполное) из них:	854	902	904
высшее	136	264	213
незаконченное высшее	21	35	37
среднее специальное	212	199	227
среднее общее	287	248	265
неполное среднее	198	156	162
начальное	100	72	74
На 1000 человек занятых имеют образование			
Высшее и среднее (полное и неполное) из них:	948	963	983
высшее	170	320	264
незаконченное высшее	15	26	23
среднее специальное	260	235	275
среднее общее	337	273	289
неполное среднее	156	109	112
начальное	55	33	33

145

* Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Часть 1. М., 1991. С.158-160, 194-196.

Таблица 2

Распределение населения трудоспособного возраста по источникам средств существования, в % (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.)*

Категории населения	России (городское)	Москва	Петербург
Занятое население	85,8	86,0	83,0
Занятые в личном подсобном хозяйстве	0,1	0	0
Стипендиаты	4,6	5,5	7,0
Пенсионеры и другие лица, находящиеся на обеспечении государства	4,3	3,5	4,4
Иждивенцы отдельных лиц	5,1	4,9	5,4
Имеющие иной источник средств существования	0,1	0,1	0,2
Имеющие два источника средств существования	9,4	7,4	8,0

* Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Часть 2. М., 1991. С. 28-29, 31, 70-71, 73.

Таблица 3

Численность членов семей и одиночек (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.) *

Половой состав	Россия	Москва	Петербург
На 1000 человек соответствующего пола приходится:			
членов семей, проживающих --- совместно с семьей,			
оба пола	884	878	851
мужчины	888	884	848
женщины	881	872	854
--- отдельно от семьи			
оба пола	47	43	58
мужчины	64	58	86
женщины	32	32	34
одиночек			
оба пола	69	79	91
мужчины	48	58	66
женщины	87	96	112

* Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Часть 3. М., 1991. С. 7, 9, 11.

Таблица 4

Группировка семей по размеру (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.) *

Размер	Россия (городское население)	Москва	Петербург
На 1000 семей приходится семей, состоящих из совместно проживающих:			
2 человек	331	335	359
3 человек	296	324	316
4 человек	261	227	223
5 человек	78	67	70
6 человек	23	20	23
7 человек	11	7	9

* Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Часть 3. С. 96-98.

Средний размер жилой площади, приходящейся на одного члена семьи в Петербурге в 1989 г., был такой же, как в городском населении России — 9 кв. м и близким к Москве (10 кв. м). Однако в Петербурге очень высока доля живущих в коммунальных квартирах. В 1989 г. в них проживало 22,4% населения города, в Москве — 13,7%, а в городах России — 7,3% (табл. 5). Соответственно в населении Петербурга низка численность проживающих в отдельных квартирах.

Таблица 5

Удельный вес населения, проживающего в различных типах жилых помещений, в %
(по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.) *

Проживание	Россия	Москва	Петербург
в индивидуальных домах	11,4	0,1	0,6
в части индивидуальных домов	2,5	0,1	0,2
в отдельных квартирах	66,7	79,3	64,3
в общих (коммунальных) квартирах	7,3	12,7	22,4
в общежитиях	6,7	4,6	6,5
в других жилых помещениях	0,5	0,1	0,1
снимают жилое помещение	0,9	0,1	0,2

* Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Часть 3. С. 150-152.

Таблица 6

Удельный вес населения, проживающего в домах различных периодов постройки, в %
(по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.) *

Проживание в домах, построенных	Россия (городское население)	Москва	Петербург
до 1918 г.	3,1	1,8	16,2
в 1918-1940 гг.	4,2	3,2	2,9
в 1941-1950 гг.	3,5	1,0	1,3
в 1951-1960 гг.	14,2	14,1	9,4
в 1961-1970 гг.	24,1	34,1	27,7
в 1971-1980 гг.	28,6	30,3	28,1
в 1981-1988 гг.	22,3	15,5	14,3

* Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Часть 3. С. 188-190.

70% петербуржцев живут в домах, построенных в 1960-х — 1980-х гг. (табл. 6). Но одновременно здесь очень высока доля проживающих в домах дореволюционной постройки: 16% населения против 1,8% в Москве и 3,1% в российских городах.

Своеобразие брачной и семейной структуры, жилищных условий в Петербурге не может не сказаться на качестве его населения.

Социокультурные ориентиры жителей двух главных городов страны на фоне населения Европейской части России

Изучение ценностей — это кратчайший путь преобразования выводов о качестве населения в систему рекомендаций, которые могут быть полезными в практической работе, органам социального управления. Реализация сказанного — в будущем. Сейчас, на старте проекта удалось выявить особенности ценностной структуры населения “двух столиц” России — Москвы и Петербурга, указав тем самым на качественное своеобразие населения этих городов. Используются данные исследования, проведенного ВЦИОМ в 1991 г. (август-сентябрь) и в 1992 г. (май-июнь) на представительных выборках, по технологии проекта “Ожидая изменений в Европе”, который более 10 лет разрабатывается Международным институтом исследования социальных изменений (Швейцария).

Краеугольный камень применяемой методологии изучения ценностей — система координат, определяющая двумерное социально-культурное пространство. Вертикальная ось обозначается двумя полюсами — Север (“Открытость изменениям”) и Юг (“Сопротивление изменениям”). Полюса горизонтального направления — Запад (“Этика”) и Восток (“Гедонизм”). Техника обработки данных позволяет выделить 10 социокультурных типов и разместить каждый из них на социокультурной карте. Полученная конфигурация образует эллипс, вытянутый в вертикальном направлении. Упорядоченность групп в эллипсе легко представить, выделив в нем пять слоев. Первый слой (считая сверху) и пятый содержат по одной группе, второй и четвертый — по две, третий (средний) слой объединяет четыре группы. Если доля того или иного типа превышает 10%, то это означает, что данный тип более выражен в населении страны (или города), чем в структуре населения Европы.

Введем выделенные типы:

Первый слой	— группа 1: “Уравновешенные и самоорганизованные”
Второй слой	— группа 2: “Энергичные и следующие своему пониманию долга” группа 3: “Решительные гедонисты”
Третий слой	— группа 4: “Коллективисты, сторонники сложившихся норм” группа 5: “Промежуточный тип” группа 6: “Молодые обыватели” группа 7: “Самоориентированные и импульсивные искатели удовольствия”
Четвертый слой	— группа 8: “Рациональные традиционалисты” группа 9: “Растерявшиеся, лишенные связей”
Пятый слой	— группа 10: “Одинокие и бедствующие”.

Табл. 7 показывает, что глубоких различий в ценностях населения Европы и Европейской части России нет. Однако Российская идентичность базируется на комбинации таких свойств, как “Целостность”, “Чувство общности”, “Вовлеченность в общество” (показатели этих свойств здесь не рассматриваются). Высокий уровень “Чувства общности” указывает на развитую потребность российского гражданина в поддержании связей с членами семьи, с непосредственным окружением. Высокий уровень такого свойства как “Вовлеченность в общество” свидетельствует о потребности людей в общем мировоззрении, желании подчинить личную энергию достижению коллективных интересов.

Распределение населения Европейской части России
среди 10 социокультурных групп, в %

Группа	1991 г. N=1944	1992 г. N=2073
Группа I	11	11
Группа II	16	16
Группа III	7	10
Группа IV	15	13
Группа V	11	11
Группа VI	9	10
Группа VII	5	5
Группа VIII	11	11
Группа IX	9	7
Группа X	6	6
ИТОГО	100	100

Таблица 8

Распределение городского и сельского населения Европейской части России
среди 10 социокультурных групп, 1991 г., в %

Группа	В целом 1991 г. N=1944	Петербург Москва N=140	Областной центр N=539	Другие города N=716	Село N=510
Группа I	11	14	13	12	7
Группа II	16	19	17	17	14
Группа III	7	12	7	6	7
Группа IV	15	14	11	20	11
Группа V	11	10	11	13	10
Группа VI	9	7	9	9	11
Группа VII	5	10	4	2	6
Группа VIII	11	9	11	12	10
Группа IX	9	4	9	5	15
Группа X	6	1	8	4	9
ИТОГО	100	100	100	100	100

Дополнив эти наблюдения анализом более “тонких структур” социальных ориентаций населения, можно следующим образом охарактеризовать качество населения Москвы и Ленинграда (см. табл. 8,9).

Таблица 9

Распределение городского и сельского населения Европейской части России среди 10 социокультурных групп, 1992 г., в %

Группа	В целом 1991 г N=2073	Петербург Москва N=226	Областной центр N=346	Другие города N=925	Село N=551
Группа I	11	16	16	10	8
Группа II	16	20	19	14	16
Группа III	10	9	10	10	9
Группа IV	13	10	12	13	16
Группа V	11	11	11	10	14
Группа VI	10	12	12	10	8
Группа VII	5	6	6	5	5
Группа VIII	11	10	6	11	11
Группа IX	7	5	5	9	7
Группа X	6	1	3	8	6

Жители двух столиц более, чем другие группы населения России, признавая и не нарушая сложившейся в обществе системы правил, норм, обычаев, стремятся в определенном смысле к самопроявлению, к тому, чтобы выразить себя. Они отдают предпочтение мягким формам социального контроля в повседневной жизни, отрицают рутину. Их выгодно отличает от жителей небольших городов и сел повышенная способность противостоять неопределенным, сложным ситуациям. Иными словами, они более адаптивны. Еще одна черта — более высокая причастность к истории своих городов, понимание уникальности прошлого и настоящего Москвы и Петербурга.

Кризис всей социальной системы привел к тому, что население России, если сравнивать его с жителями Западной Европы, испытывает крайне высокую потребность в экономической безопасности, оно характеризуется высоким уровнем страха перед насилием, и хотя оно вынужденно отказывается от старых целей, выработать новые цели не успевает. Однако легче всего с этими трудностями справляется население Москвы и Ленинграда.

Нарастание бедности в условиях экономического кризиса

В 1989 г., который условно можно назвать последним годом стабильности в экономике и в жизненном уровне населения, граница бедности, по официальной статистике определялась по прожиточному минимуму, равному 81 руб. Доля людей, доходы которых были ниже этого прожиточного минимума, составляла

14,3% населения страны (в Петербурге — около 13%). Половину из них составляли многодетные семьи, около 30% — неполные и молодые семьи с одним или двумя детьми, остальные 20% — пенсионеры. Качественные характеристики потребления живущих за чертой бедности были значительно ниже физиологических норм: калорийность питания на 20-25%, расходы на покупку предметов первой необходимости (одежды, обуви) — на 30%, на бытовые услуги — в полтора раза.

С начала 1990 г. прожиточный минимум оценивается, исходя из минимального потребительского бюджета (МПБ), привязанного к фактическому уровню жизни беднейших семей. Из сопоставления МПБ с прожиточным минимумом по потребительскому набору и по денежному выражению очевидно, что тем самым определялась верхняя граница бедности, но не нищета. Если принять такую точку отсчета, то в 1989 г. у нас было в общей сложности около 25% бедного населения (доходы до 100 рублей).

После апрельского (1991 г.) повышения цен жизненный уровень населения снизился по различным оценкам на 15-25%. Минимальный потребительский бюджет (в объеме прежней потребительской корзины) к середине 1991 г. составлял 210 рублей. Если принимать его за верхнюю границу бедности, то слой бедных увеличился до 36% и втянул в себя новые группы населения. Так, в Петербурге слой бедных пополнился, главным образом, за счет полных семей с двумя детьми, пенсионеры же оказались несколько выше черты бедности. Из табл. 10 видно, как соотносились фактические среднедушевые расходы всех обследованных семей с малообеспеченными семьями по укрупненным группам товаров, услугам и прочим расходам.

Таблица 10

Сравнение фактических среднедушевых расходов в разных семьях с расходами малообеспеченных семей *

Статья	Малообеспеченные семьи	Среднеобеспеченная семья	Высокооплач. семьи	Семьи с 2 детьми	Семьи из 5 человек	Пенсионеры, одиночки
Продовольственные товары	1	1,25	1,46	0,96	0,92	1,2
Промтовары	1	1,48	2,6	0,98	0,85	0,97
Услуги	1	1,36	2,8	0,96	0,98	1,07
Прочие материалы	1	1,42	5,8	0,98	0,77	0,9

* Материалы бюджетного обследования населения Петербурга проведены ВНИИ экономики торговли (сентябрь 1991 г., выборочная совокупность 1855 семей).

К концу 1991 г. прожиточный минимум был установлен на уровне 342 рублей, и за абсолютной чертой бедности оказалось 32% населения. При оценке же по МПБ, предложенному Независимой Федерацией Профсоюзов в размере 691 рубль, в слой бедных попадало 85% населения России.

С января 1992 г. прожиточный минимум рассчитывается с помощью "урезанной" потребительской корзины. Однако даже по этой новой отметке для верхнего

слоя бедных, к их числу в августе 1992 г. принадлежало 33% населения, что означает поддержание слоя абсолютной бедности (нищеты) в обществе на уровне почти трети населения страны.

Социальный тонус населения Санкт-Петербурга

На базе концептуальных моделей стресса в ноябре 1992 г. в рамках проекта была предпринята попытка оценить степень полноценности повседневного функционирования людей и их социального самочувствия в условиях обострившейся кризисной ситуации.

Как показывают результаты, уровень социального стресса является довольно высоким. Выраженное психоэмоциональное напряжение охватывает до 60% респондентов. Почти 40% опрошенных ощущали себя не вполне здоровыми в течение последнего месяца. Чувство усталости после рабочего дня переживали в “достаточно высокой степени” более 50% работающих респондентов, а в “очень высокой степени” — еще одна четверть выборки. Доминирующие социальные чувства (в течение трех месяцев, предшествовавших опросу) у двух третей респондентов были негативными, с преобладанием тревоги, и только у трети респондентов — позитивными (см. табл. 11).

152

Данные позволяют оценить иерархию механизмов преодоления стресса. Среди стратегий преодоления отчетливо преобладает т. н. ретропульсивный тип реакций или уход от реальности (“бегство”) (более половины респондентов). Установку на “борьбу” демонстрирует четверть выборки, еще одна четверть имеет скорее пассивно-выжидательную реакцию. Мощным защитным фактором в преодолении социального стресса является идентификация с группой. С национальной общностью (“русские”) высоко идентифицированы 83% опрошенных (ср. с 93% русских в выборке), а с территориальной общностью (“петербуржцы”) — 61%. Почти половина ориентируются на поддержку со стороны малых групп, отличающихся высокой экономической активностью, которые, в свою очередь, начинают приобретать большее значение, чем традиционно семейные связи.

Общий же вывод состоит в том, что для большей части населения характерен выбор неэффективной стратегии преодоления стресса, в итоге чего преобладают малоадаптивные формы поведения, ибо, несмотря на изменившиеся требования со стороны социального окружения, прежняя социально-экономическая структура продолжает оставаться относительно стабильной. Регуляторами социального поведения (в нашем случае — поисками выхода из социального стресса) являются синдромы социальных свойств людей, их установок, разделяемых ими ценностей и норм, обозначаемых как социально-культурные образцы (“паттерны”). Информация, которой мы располагаем, позволяет считать, что эти образцы в значительной мере обусловлены историко-культурными особенностями города и страны (см. табл. 12). Наиболее важной кажется здесь демонстрация отношения к традиционной альтернативе “Восток и Запад”. Лишь малая часть респондентов соотносит сегодняшний путь развития страны исключительно с “западным” (9%) и “восточным” (13%) вариантом. Для большинства жителей Петербурга этот путь особый, “русский” (60%). Сходно и современную русскую культуру три четверти опрошенных считают особой. Таким образом, высказываемые опасения по поводу утраты национальной идентичности по мере перехода к западной модели политической и экономической организации не находят широкой поддержки в массовом сознании жителей города.

Значения индикаторов социального стресса
(в % к числу опрошенных, N=1044 чел.)

Индикатор	Распределение в совокупности
САМООЦЕНКА ЗДОРОВЬЯ (В ТЕЧЕНИЕ ПОСЛЕДНЕГО МЕСЯЦА)	
высокая	35,2
средняя	25,4
низкая	39,4
ИНТЕРЕС К БЛАГОУСТРОЙСТВУ БЫТА — ОБЫЧНЫЙ УРОВЕНЬ	
высокий	80,4
низкий	19,6
ИЗМЕНЕНИЕ ИНТЕРЕСА К БЛАГОУСТРОЙСТВУ БЫТА (В ТЕЧЕНИЕ ПОСЛЕДНЕГО ГОДА)	
повышение	26,2
без изменений	36,9
снижение	36,9
ОЦЕНКА ПРИЧИН СНИЖЕНИЯ ИНТЕРЕСА К БЛАГОУСТРОЙСТВУ БЫТА	
“недостаток сил”	26,1
“недостаток времени”	44,9
“недостаток материальных средств”	21,3
недифференцированный ответ	7,7
ЧУВСТВО УСТАЛОСТИ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ РАБОТЫ — ЧУВСТВУЮТ СЕБЯ...	
очень уставшими	26,5
уставшими	42,5
не очень уставшими	22,8
совсем не уставшими	8,2
СОЦИАЛЬНЫЕ ОЖИДАНИЯ — СОЦИАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ	
улучшение	54,5
без изменений	24,8
ухудшение	11,2
отсутствует	9,5
СОЦИАЛЬНЫЕ ОЖИДАНИЯ — НАИБОЛЕЕ СЛОЖНЫЙ ПЕРИОД РЕФОРМ	
уже прошел	9,0
идет сейчас	26,3
еще впереди	64,7
ДОМИНИРУЮЩИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ЧУВСТВА (В ТЕЧЕНИЕ ПОСЛЕДНИХ ТРЕХ МЕСЯЦЕВ)	
оптимизм	15,4
тревога	36,1
пессимизм	11,4
спокойствие	11,7
разочарование	17,9

Индикаторы	Распределение в совокупности
уверенность	3,4
другое позитивное чувство	1,4
другое негативное чувство	2,7
Из них	
позитивных	31,9
негативных	68,1

Таблица 12

Социально-культурные образцы ("паттерны")
(в % к числу опрошенных, N=1044 чел.)

Индикаторы	Распределение в совокупности
А. Восприятие национальной общности:	
СУЩЕСТВОВАНИЕ ЕДИНОГО РУССКОГО НАРОДА	
существует	47,8
не существует	39,9
затруднились дать ответ	12,3
СОСТАВЛЯЕТ ЛИ РУССКИЙ НАРОД БОЛЬШИНСТВО НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ	
составляет	73,5
не составляет	12,5
затруднились дать ответ	14,0
СОСТАВЛЯЮТ ЛИ РУССКИЕ БОЛЬШИНСТВО В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ	
составляют	63,5
не составляют	12,9
затруднились дать ответ	23,6
Б. Отношение к западной модели	
РЕАЛЬНОСТЬ ПЕРЕХОДА К ДЕМОКРАТИИ И РЫНКУ — ОЦЕНКА ЦЕЛИ	
Реально	41,8
Затруднились дать ответ	24,8
Нереально	33,4
ОЦЕНКА НЕОБХОДИМОГО СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ	
До 5 лет	12,8
До 10 лет	28,2
До 25 лет	27,7
До 50 лет	11,9
Свыше 50 лет	19,4

Индикаторы	Распределение в совокупности
СООТВЕТСТВИЕ ДЕМОКРАТИИ И РЫНКА "РУССКОМУ ХАРАКТЕРУ"	
Соответствует	29,0
Затруднились дать ответ	31,3
Не соответствует	39,7
СООТВЕТСТВИЕ ДЕМОКРАТИИ И РЫНКА "ПЕТЕРБУРГСКОМУ ХАРАКТЕРУ"	
Соответствует	37,8
Затруднились дать ответ	32,0
Не соответствует	30,2
СЕГОДНЯШНИЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ...	
Западной	8,6
Восточный (развивающихся стран)	12,8
Особый российский	60,0
Затруднились дать ответ	18,6
ВОСПРИЯТИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ	
Западная	7,5
Восточная	1,4
Особая, отличная от обеих	73,4
Затруднились дать ответ	17,7

Основные медико-биологические параметры городской популяции — заболеваемость, смертность, структура летальности

Совместный анализ двух процессов — заболеваемости и смертности — только лишь подчеркнул зависимость биологических процессов от состояния окружающей социальной среды. Данный анализ (куда были включены и показатели летальности) для такого крупного культурного и промышленного города, каким является Санкт-Петербург, был осуществлен впервые.

Выводы состоят в следующем: во-первых, на протяжении последних двух-трех лет в Санкт-Петербурге отмечается нарастание показаний смертности для ряда наиболее распространенных заболеваний на фоне относительно стабильных и даже снижающихся показателей заболеваемости. Парадоксально, но снижение заболеваемости коррелирует со снижением обращаемости больных за медицинской помощью (см. табл. 13). Нам неизвестны показатели эффективности обращений к частно практикующим врачам, равно как и результаты семейной помощи больным. Факт состоит в другом: непрерывно падают показатели медицинской помо-

щи населению города со стороны системы государственного здравоохранения. Данная система сворачивается (за четыре года число стационаров и коек в них уменьшилось на 12-13%!) и утрачивает свои профилактические позиции. Она становится все менее результативной и требует радикальных изменений. Во-вторых, свою долю в прирост смертности вносят участвовавшие несчастные случаи отравления алкоголем, рост травматизма и венерических заболеваний, что является объективным критерием социального неблагополучия населения города в целом и его отдельных групп.

Таблица 13

Основные показатели медицинской помощи населению Санкт-Петербурга

Показатели	1987	1988	1989	1990	1991
Число врачебных посещений на 1 жителя	13,8	12,7	11,8	11,1	
%	100,0	92,0	85,5	80,4	78,2
Число вызовов скорой помощи	1,6	1,4	1,0	0,9	0,8
%	100,0	87,5	62,5	56,2	50,0
Уровень госпитализации на тысячу населения	204,0	203,9	196,0	185,2	174,3
%	100,0	99,9	96,1	90,1	85,4

Раздельный анализ структур летальности среди стационарных больных и больных, умерших дома, позволяет увидеть и отрицательное воздействие роста социальной напряженности, и низкое качество государственной системы здравоохранения.

Умиравшие в стационарах составляют 38% от общего числа летальных исходов среди болеющих жителей города. Бросается в глаза прежде всего то, что более половины летальных исходов приходится на долю сердечно-сосудистой патологии. Этот и еще четыре класса заболеваний (новообразования, болезни органов пищеварения, органов дыхания и мочеполовой системы) дают более 90% всех летальных исходов среди умирающих в стационарах больных. Назовем клинические разновидности, которые таят в себе наивысшую угрозу жизни горожан: инфаркт миокарда (21,0% больничной летальности), нарушение мозгового кровообращения (20,4%).

Прямым показателем ухудшения социальных условий и способов жизнеобеспечения населения города являются статистически возросшие случаи роста числа умерших от туберкулеза и болезней пищеварительной системы, язвенной болезни желудка, острого панкреатита, кишечной непроходимости. Летальность среди умерших дома больных подтверждает вышеназванные закономерности в том, что касается ее структуры. Причины двух третей летальных случаев дома — все те же сердечно-сосудистые заболевания. На главное, что анализ деятельности в домашних условиях позволяет обнажить язвы государственного здравоохранения. Люди, умершие дома — своеобразные аутсайдеры амбулаторно-поликлинической сети. Прижизненное медицинское их обслуживание носило, как показывает ста-

тистика 12 тыс. изученных случаев, субъективный, поверхностный характер. Методы углубленного обследования (лабораторные, рентгенологические, электрографические) применялись лишь в 22,8% наблюдений. Около 28% людей, скончавшихся дома, вообще не проходили амбулаторного обследования. Каждый 10-й умерший дома за месяц и ранее до смерти был выписан из больницы. 28,7% — лечились в больницах в период от одного до двенадцати месяцев до наступления смерти. Большинство же умерших дома больных на протяжении всей своей жизни никогда не пользовались услугами госпитальной медицины. Почти в половине случаев смерть наступала незаметно для окружающих или скоропостижно, чем исключалась возможность экстренного вызова скорой или неотложной помощи.

Наиболее тревожный факт касается качества медицинской диагностики основных заболеваний. В целом лишь в 55% наблюдений домашней летальности устанавливается правильный диагноз, что указывает на низкий профессиональный уровень врачей, в первую очередь поликлинических или амбулаторных врачей, ибо как правило, они ведут подавляющую часть "домашних" больных (см. табл. 14). Поликлиническое звено требует неотложного совершенствования и этим ставятся под сомнение "пожарные" меры по сокращению госпитальной базы, принятые в последнее время. Поликлиническая система не выдержала испытаний на прочность, что и привело к "вспышкам" смертности в последнее время. Безвинные жертвы медицины! Их рост указывает на то, что по-прежнему цена отдельной индивидуальной жизни остается в нашем обществе невысокой.

Таблица 14

Качество диагностики основных заболеваний среди умерших дома больных, в %

Заболевания	Совпадение диагнозов	Расхождение диагнозов	Нет диагноза
Инфекции	33,3	45,8	20,9
Новообразования	58,8	32,2	9,0
Сердечно-сосудистые заболевания	56,9	18,8	24,3
в т. ч.			
острый инфаркт миокарда	25,7	45,8	28,5
постинфарктный кардиосклероз	64,0	13,7	22,3
инфаркт головного мозга	69,7	15,0	15,3
кровоизлияние в головной мозг	67,4	13,2	19,4
Болезни органов дыхания	30,7	47,5	21,8
Болезни органов пищеварения	18,7	60,0	21,3
Болезни мочеполовой системы	27,5	57,5	15,0
Прочие заболевания	43,2	40,3	16,5
В целом	55,0	24,6	20,4

Социальные характеристики здоровья населения

В процессе исследования нами получены факты, говорящие о том, что в период относительного физического благополучия свыше 40% людей практически ничего не предпринимают для поддержания собственного здоровья и своей физической формы. Переоценка состояния своего организма, ссылки на занятость или слабую волю и др. уже субъективные заблуждения составляют основу типичного для населения города пренебрежения здоровьем. Большинство населения (около 80%) недоволено своим питанием, что вызвано нехваткой средств и отсутствием многих продуктов. Имеет значение и рост нервно-эмоциональных нагрузок под влиянием усиливающегося социального стресса. В итоге жизненный потенциал снижается, что ведет к высокой заболеваемости и росту смертности.

Фаза заболевания изменяет привычно-равнодушную установку на сохранение здоровья. Однако в большинстве случаев и здесь не наблюдается мобилизации всего набора личных и социальных средств защиты. Обычные простудные заболевания люди предпочитают переносить на ногах (70% утверждают, что они с этим справляются своими силами), часто ничего не предпринимая. Рост некоторой тревоги наблюдается в тех случаях, когда появляются ранее неизвестные болевые ощущения (свыше 40% людей в таких случаях посещают врача). Однако большинство предпочитает ждать в надежде, что боль пройдет. Несмотря на развитую сеть альтернативных (негосударственных) форм оказания медицинской помощи (платные поликлиники, консультации, кооперативы) большинство населения по привычке отправляется в поликлиники, хотя мнение о поликлиниках, как правило, невысокое. Инерция мышления оказывается сильнее, чем недостаток средств.

Еще один важный факт — дифференциация населения по признаку наличия неформальных связей с медицинским миром. Почти половина опрошенных (47%) имеют “знакомства” с медиками-специалистами. По своим признакам эта часть населения обладает более высоким образованием и статусом. Неформальные связи являются источниками получения грамотных советов, лекарств, они открывают доступ практически к любым видам медицинских услуг.

Население по преимуществу считает собственное здоровье зависящим от внешних факторов, в ряду которых уровень доходов (достаток) занимает второе место (42%), уступая лишь экологической ситуации в городе, которую назвали важным фактором здоровья 52% опрошенных. Кстати, это заметно снижает мотивацию обращений за медицинской помощью. Населению в своей массе свойственно переоценивать способность организма к самовосстановлению без вмешательства врачей. “Если выждать время, то мой организм справится практически с любым заболеванием без медицинской помощи”, — так думают 46% опрошенных. Две трети приписывают решающую роль в сохранении здоровья личным качествам (воля, характер), а не медицине с ее современными возможностями. И наконец, господствует вера в лечебную силу домашних средств. 75% опрошенных предпочитают их рекомендованным врачом. В итоге здоровье не входит в круг первоочередных забот жителя современного Петербурга.

Состояние дел в системе здравоохранения также демобилизует волю к сохранению здоровья. Лишь 20% респондентов могут, по их оценкам, обеспечить себя всеми необходимыми лекарствами. Существенно, что 90% населения хотело бы видеть во враче внимательного собеседника и советчика. Однако 70% говорят о том, что в реальности они сталкиваются с совершенно иным типом медика, который ограничивается лишь жесткими предписаниями и не объясняет пациенту основания

своего диагноза и способы лечения. В итоге люди все чаще предпочитают справляться с возникающими проблемами со здоровьем собственными силами или силами членов своей семьи, не обращаясь к услугам органов здравоохранения. Даже в обществах, где затраты на здравоохранение оказываются существенно больше российских, значительная часть труда по уходу за больными ложится именно на плечи родных и близких. В современной же ситуации Российского общества неэффективность государственной системы здравоохранения только увеличивают тяжесть внутрисемейных забот о больных, особенно хрониках, инвалидах, престарелых. Ныне эта "скрытая от внешних взоров система здравоохранения" работает с напряжением, с громадными перегрузками, часто на пределе своих внутренних моральных, и уж в любом случае, материальных ресурсов. Вопрос состоит в том, до какой степени эта "скрытая система" может и обязана компенсировать низкий КПД того здравоохранения, которое под эгидой государства продолжает функционировать в нашем обществе.

Девиантное поведение горожан

Одним (хотя и не единственным) из путей реализации социальных девиаций служит девиантное поведение людей. Можно с некоторой уверенностью утверждать, что девиантное поведение — суть проявление человеческих качеств и, соответственно, качества людей проявляются прежде всего в девиантном поведении (позитивном — творческая деятельность и негативном — преступность, наркомания, самоубийства и т. п.). Иначе говоря, качество населения непременно проявляется и в таких формах социально значимого поведения, которое воспринимается в каждом конкретном обществе как девиантное, т. е. не соответствующее установленным или общепринятым социальным нормам. По-видимому, фиксируемые проявления девиантного поведения могут служить индикаторами качества народонаселения как предмета исследования.

В 1985 г. уровень преступности в городе достиг 981,9 (99,1% от среднероссийского показателя), затем наступило некоторое сокращение в 1985-1988 гг. и резкий рост уровня в 1989 г. до 1085,4 (на 21,6%) с последующим увеличением абсолютного числа регистрируемых преступлений и уровня преступности. По сравнению с 1988 г., уровень преступности вырос в 1991 г. на 54,4% (число преступлений на 54,6%). Происходит, говоря обобщенно, "омоложение" преступности (максимальные коэффициенты криминальной активности отмечаются среди подростков), ее "феминизация" и профессионализация. Все это не только свидетельствует об ухудшении качества населения, но и внушает опасение за будущее.

Наркотизм относится к числу так называемых ретретистских видов девиантного поведения, и наряду с алкоголизмом и самоубийством служит формой ухода, неприятия социальной жизни. С 1983 по 1991 г. число больных с диагнозом наркомания увеличилось в 2,4 раза, уровень заболеваемости — в 2,3 раза. В результате проведенного в 1989-1990 гг. выборочного опроса учащихся 8-10 классов и ПТУ города (1800 человек) установлено, что 12% из них пробовали наркотические или токсические средства. Судя по этим показателям реальное потребление наркотиков в 100 раз превышает официальные статистические данные.

Имеющиеся данные за 1987-1991 гг. свидетельствуют о росте уровня самоубийств (с 16,61 до 21,1 на 100 тыс. человек населения), а, следовательно, о на-

растании психологической дезадаптации, нарушении баланса между социальным давлением и адаптированностью населения.

Краткий предварительный анализ девиантного поведения в Санкт-Петербурге позволяет сделать следующие выводы:

1. Однонаправленность динамики различных проявлений девиантного поведения и ее синхронность свидетельствуют об усилении социально-экономического неблагополучия населения города.

2. Динамика девиантного поведения, особенно его ретретистских форм указывает на возрастание негативных качеств городского населения, в том числе отдельных социально-демографических групп (подростков, женщин и др.).

Изменения характеристик экономической активности населения Санкт-Петербурга в условиях экономической реформы

На начальном этапе радикальной экономической реформы в январе 1992 г. "подтягивание поясов" стало доминирующим типом экономического поведения населения. Свыше 80% опрошенных в февральском и апрельском опросах 1992 г. на вопрос: "Что Вы предпринимаете в настоящее время для того, чтобы поддержать материальное положение?" ответили: "Стараюсь на всем экономить". (Здесь и далее в этом параграфе приводятся данные опросов, проведенных Санкт-Петербургским социологическим научно-исследовательским центром в течение 1992 г.). Однако немало людей избрали уже в тот момент активные формы экономического поведения. В апреле 51% опрошенных утверждали, что они стали больше зарабатывать на основной работе; 32% в конце мая возобновили или нашли дополнительную работу; 13% занялись легальным бизнесом. Таким образом, к весне произошла позитивная канализация индивидуальной экономической активности населения, хотя структурный сдвиг в ней был и не вполне очевиден (так, например, лишь 13% горожан избрали основным видом деятельности бизнес; 13% — работали на приватизированных предприятиях).

С апреля 1992 г. стоимость жизни в городе значительно возросла, продолжал ускоряться рост потребительских цен, выросли тарифы на телефонную связь, транспорт, коммунальные услуги и электричество. Затраты основной массы населения по-прежнему сводились к "расходованию денег только на продукты питания". Например, в майских и сентябрьских замерах по 42% опрошенных сообщили, что все заработанные деньги расходуются на питание. Продолжала усиливаться "ценовая" тревога, доля респондентов, выразивших ее, достигла 91%. Уровень жизни снижался, развивались негативные изменения в структуре потребления.

Проблема безработицы подавляющим большинством населения, как показывают данные наших исследований, пока еще не фиксируется. Опросы в июне и октябре 1992 г. дают очень близкие результаты, указывающие на определенную стабилизацию доли населения, не уверенной в сохранении своего рабочего места. В целом к этой группе относится более половины всего занятого населения Петербурга, причем около 40% оценивают перспективу увольнения как весьма вероятную. На вопрос: "Какой из следующих путей является наиболее правильным в случае потери человеком своей работы?" респонденты ответили следующим образом (см. табл. 15):

Возможности поиска работы в случае увольнения
(по результатам опроса, в % к числу опрошенных)*

Возможности	июнь 1992 г.	октябрь 1992 г.
искать работу только по своей специальности	32	18
искать любую работу	36	51
обратиться на биржу или службу занятости	10	3
заняться бизнесом	8	9
переучиться, получить другую специальность	5	21
трудно сказать	13 [~]	3

* Сумма превышает 100%, так как часть респондентов отметила более одного варианта.

Динамика этого показателя является свидетельством изменения экономического мышления населения в сторону большего соответствия условиям рыночной экономики. Если в июне 32% опрошенных считали возможным искать работу только по своей специальности и 36% согласны на любую работу, то в октябре рассчитывают найти работу по специальности только 18% горожан, и половина (51%) уже психологически готова к поискам любой работы. В июне только 5% населения ориентировались на необходимость переучиваться с целью получения другой специальности, в октябре таких уже 21% — увеличение более, чем в четыре раза. В итоге все большее число горожан оценивает ситуацию на рынке труда вполне реалистично и готово к активным действиям, лишь бы не остаться без работы совсем. Такая установка носит уже безусловно рыночный характер и в целом оценивается положительно, хотя это и означает, что трудовая деятельность для все большего числа населения приобретает характер исключительно инструментальной ценности.

Динамика вовлеченности в политику различных социальных групп населения города

Осенью 1992 г. примерно каждый восьмой (13%) взрослый житель Петербурга мог уверенно назвать себя человеком, активно интересующимся политическими событиями в стране и мире; каждый четвертый (25%) интересовался политической жизнью не столь активно, и еще 20%, хотя и мало, но периодически все же интересовались политическими коллизиями. Остальные (42%) к политической жизни никакого интереса не испытывали (см. табл. 16).

Так, однако, было не всегда. Весной 1991 г. активно интересовавшихся политическими событиями было примерно в полтора раза больше (19%), а доля совершенно не интересующихся политикой составляла 39%.

Изменение интереса к политике в различных социальных группах населения Ленинграда-Петербурга (весна 1991 — осень 1992гг.)

Группы населения	активно интересуются политикой				вовсе не интересуются политикой			
	1991		1992		1991		1992	
	весна	осень	весна	осень	весна	осень	весна	осень
женщины	16	13	9	44	42	49		
мужчины	22	17	18	34	34	34		
до 30 лет	11	9	11	51	45	47		
от 30 до 35 лет	20	14	11	39	36	40		
от 45 до 60 лет	24	16	17	31	34	41		
старше 60 лет	28	24	16	28	34	39		
неквалифицированные рабочие	13	6	4	52	59	62		
квалифицированные рабочие	15	11	12	43	46	47		
служащие без квалификации	9	9	5	45	43	42		
служащие средней квалификации	15	10	10	41	36	44		
студенты и учащиеся	22	8	12	54	50	51		
техническая интеллигенция	25	24	20	27	25	28		
гуманитарная интеллигенция	31	27	24	29	25	34		
руководящие работники	28	31	38	26	22	26		
военнослужащие и милиция	31	30	39	34	14	17		
занятые на госпредприятиях	20	15	14	19	38	42		
занятые в "новой" экономике	15	12	13	37	31	35		
неработающие пенсионеры	27	23	16	29	33	42		
образование:								
ниже среднего	10	10	5	50	53	55		
среднее	14	11	8	45	44	45		
высшее	29	23	24	28	26	30		
"индивидуальные оптимисты"		15	22		33	35		
"индивидуальные пессимисты"		15	11		30	51		
"социальные оптимисты"		23	25		37	34		
"социальные пессимисты"		15	11			48		
доверяющие Б. Ельцину	26		17	29		31		
не доверяющие ему	16		13	47		47		
принимающие ответственность за свое материальное положение	19	22	22	41	40	34		
отсылающие его вон	21	11	11	39	41	50		
Население города в целом	19	13	13	39	38	42		

Общее снижение внимания к политической жизни в последний год объясняется заметной деполитизацией интересов. Если среди мужчин численность полностью отчужденных от политической жизни практически не изменилась, то среди женщин она увеличилась с 42 до 49%.

Менее всего интересуются сегодня политикой молодые люди в возрасте до 30 лет. Здесь и меньше всего испытывающих к ней активный интерес, и больше всего полностью отчужденных от нее. Однако если за последнее время степень ангажированности в политическую жизнь у молодежи почти не изменилась, то среди ветеранов (старше 60 лет) за полтора года произошло почти двухкратное (с 28 до 16%) сокращение активно интересующихся политикой, а численность отчужденных от нее возросла с 28 до 39%.

Наименее ангажированы сегодня в политику студенты и неквалифицированные рабочие. Но если у первых степень вовлеченности в политическую жизнь почти не изменилась (а если и изменилась, то скорее в сторону повышения), то у вторых количество отчужденных от этой сферы жизни выросло с 52% весной 1991 г. до 62% осенью 1992 г.; а численность активно вовлеченных в эту сферу сократилась с 13 до 4%.

У рабочих средней и высокой квалификации снижение интереса к политике значительно меньше. При этом, если год-полтора назад можно было говорить о том, что в этой социально-профессиональной группе ангажированность в политическую жизнь значительно ниже, чем в среднем по городу, то сегодня среднего-городской уровень и уровень вовлеченности в политику рабочих заметно сблизились. И все же интерес к политической жизни среди рабочих значительно ниже, чем у гуманитарной и технической интеллигенции (12% активно интересующихся при 20-24% у интеллигенции). В наибольшей же мере интересуются политическими сюжетами руководящие работники и военнослужащие (38-39% активно интересующихся).

Интерес к политической жизни активно стимулируется как индивидуальным, так и социальным оптимизмом. И год назад, и сегодня ожидающие улучшения своего материального положения ("индивидуальные оптимисты"), как и верящие в близкое улучшение экономической ситуации ("социальные оптимисты"), политической жизнью интересуются значительно больше, чем те, кто опасается еще большего ухудшения своего материального положения ("индивидуальные пессимисты") или дальнейшего ухудшения экономической ситуации в стране ("социальные пессимисты"). Отмеченное снижение интереса к политической жизни сопровождается постепенным нарастанием интереса населения к экономическим проблемам общества и освоению новых форм экономического поведения.

Современное состояние и перспективы развития семейных отношений

Наиболее распространенными в сложившейся практике социальных исследований семьи, в том числе и в связи с качеством населения, оказались функциональные воззрения на семью, предписывающие ей, как "ячейке общества", некоторые обязательные свойства, параметры, характеристики, функции. Собственные (имманентные) закономерности остаются в глубокой тени. При таком положении дел любые инновации в межполовых и межпоколенных отношениях расцениваются как деструктивные и дисфункциональные, а современное состояние семьи описывается в терминах кризиса и развала.

Указанных недостатков лишена, по нашему мнению, концепция исторических типов семьи, которая, исходя из понимания семейных отношений как конкретно-исторического воплощения взаимодействия общественного (коллективного) и индивидуального (личностного) начал, выделяет последовательность базовых эволюционных форм внутрисемейных отношений: патриархальная — детоцентристская — супружеская. Современный этап развития петербургской семьи может быть охарактеризован, как переходный от модернизированного патриархального к детоцентристскому.

Проведенное по сопоставимым выборкам с интервалом в девять лет (1981 и 1990 гг.) эмпирическое исследование благополучных семей в Санкт-Петербурге позволяет утверждать, что в настоящее время в нашем городе базовым типом является детоцентристская семья. Ее основные характеристики: сложности внутрисемейного согласования стремления каждого из супругов к самостоятельности; несформированность навыков адекватного отклика на индивидуальные потребности супруга; несовпадение меры освоения интегрирующего семью потенциала взаимного личностного принятия (мужчины “отстают” от женщин); ориентация родителей на максимально возможное предоставление детям материальных благ, стремление обеспечить детям престижные образовательно-культурные возможности; эротизация брачной сексуальности; усиление влияния на стабильность семьи адаптационных механизмов, опирающихся на психологическую и духовную совместимость супругов.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют, что различные возрастные, половые, образовательные и социо-культурные группы населения Санкт-Петербурга в различной степени продвинуты на пути перехода к детоцентристскому типу семьи. Конкретизация этих положений требует специальных исследований. Кроме того, в дополнительной теоретической и эмпирической проработке нуждается проблематика межпоколенных отношений в семье.

Этнические характеристики населения Санкт-Петербурга

Сравнив показатели прироста населения (согласно переписям 1959—1989 гг.), составляющего этническое меньшинство города, нетрудно заметить, что максимальные показатели характерны в целом для групп армян, грузин, мордвы, чувашей. Чрезвычайно интенсивным приростом численности выделяется группа азербайджанцев. Прирост групп, составляющих этническое большинство, не столь значителен, а в группе евреев мы наблюдаем отрицательный прирост. Кроме того, переписью 1989 г. впервые включена в список основных этнических групп города довольно значительная (7 тыс. чел.) совокупность узбеков, почти равная по численности группе грузин.

В городе сложно и неоднозначно происходят этнолингвистические процессы. Для последнего межпереписного периода, в частности, характерно увеличение числа лиц, ориентированных на язык своей этнической общности (исключение составляют татары и чувашаи). В то же время сознательная установка на отказ от родного языка наряду с потенциальной возможностью его функционирования, свидетельствует о стремлении, разной степени интенсивности в каждой из групп, определенной части украинцев, евреев, эстонцев и карел внешне подтвердить свою русскоязычность и пытаться внутренне перейти к активной аккультурации.

Важное значение для измерения этнопсихологического и этнокультурного аспектов качества населения города имеют такие субъективные характеристики, как этнокультурные ориентации членов разных этнических групп, этнические особенности их психических качеств и поведения, а также этническое самосознание и шире — этническая идентичность. Пока мы располагаем весьма скудными сведениями в области этнической идентичности жителей Санкт-Петербурга, которые позволяют говорить лишь о тенденциях к изменению ее отдельных характеристик. Во всех изучавшихся группах (экспериментальные выборки от 51 до 69 человек), в том числе этнически “чистых”, преобладает доля лиц, считающих родным языком русский. Язык своей этнической общности назвали родным лишь 1/3 респондентов украинской совокупности (хотя число реально знающих и использующих свой язык у последних намного выше, что соответствует отмеченному выше явлению, характерному для всех членов этой групп), 1/5 белорусской и всего один человек еврейской. Что касается конфессиональной принадлежности, то она является одной из существенных детерминант этнокультурной ориентации. Факт отнесения себя индивидом к той или иной конфессии еще не свидетельствует о его реальной религиозности, а скорее говорит о приверженности к определенным нравственным идеалам и ценностям.

Результаты экспертных оценок и локальных исследований конца 80-х гг. свидетельствуют об ухудшении межэтнических установок русских в целом по России: доля русских с этническими предубеждениями возросла в 1,5-2 раза, и увеличилась доля “этнически настороженных” русских. Не является исключением и Санкт-Петербург. Уже сейчас каждый четвертый-пятый петербуржец от 20 лет и выше предпочитает, чтобы в России жили только русские, а среди молодежи до 19 лет идею этнической однородности населения России поддерживает каждый третий или 36%. Можно утверждать, что процесс этот закономерен, а та зачастую негативная окраска, которая с ним связывается, происходит от искажения или непонимания его содержания.

Зоны межнациональной конфликтности

К сфере непосредственного изучения качества населения Санкт-Петербурга относится не только прослеживание этнических процессов, но и вовлеченности населения города (в первую очередь русских жителей) в межнациональные конфликты. Русское население в значительной мере определяет этно-психологический климат Петербурга, а появление этнически настороженных русских указывает на то, что традиционная для города терпимость и благожелательность в отношении с “чужеземцами” и “инородцами” может измениться.

Предлагается различать три типа конфронтационного поведения:

1. “Конфликты психологических стереотипов” — скоротечные события локального характера. Их стихийность — наиболее характерная черта, могущая быть источником высокой опасности и приводить к трагическим последствиям. Городская пресса все чаще пишет о молодежных драках в общежитиях, погромах на рынках, драках в ресторанах. Здесь противопоставление реализуется по линии “свой-чужие”, а насилие выступает средством снятия социального напряжения.

2. “Конфликты идеологических доктрин”. Субъектами, носителями конфликтов здесь выступают по преимуществу представители интеллигенции, поскольку им наиболее присуще противостояние идей, развернутых лозунгов, программ. Та-

кие конфликты имеют давние исторические корни, могут составлять основу исторической памяти. Наиболее важная черта идейной конфронтации — идеология “избирательного гуманизма”, который стремится к тому, чтобы оправдать действия в защиту “своей” (русской, к примеру) национальности. Формула противостояния здесь более жесткая: “друзи и недрузи”. Насилие играет консолидирующую роль, вплоть до “братства по оружию”.

3. “Конфликты политических прав” образуют третий тип. Конфликт предполагает участие государства, но уже не в роли “полицейского” или “судьи”, как в первом и во втором случаях, а в роли партнера, втянутого в конфронтацию. На этом уровне противопоставление формулируется в терминах “патриоты — предатели Отечества”, а насилие выполняет функцию управления поведением масс. Нетерпимость создает образы врагов государства, общества, русской нации и становится генератором экстремистских групп — от парламентских фракций до вооруженных отрядов. Следует сразу оговориться, что применительно к Петербургу социально-психологические ресурсы экстремизма всех трех родов укоренены не столько в актуальных ситуациях, хотя и они периодически возникают в виде коротких вспышек, сколько в сохраненных, но закамуфлированных тоталитаристских ориентациях, эксплуатирующих аргумент несправедливо “обиженного народа”. Здесь громадное значение имеет численность конкретного этноса. Объединения национальных меньшинств города выражают прежде всего заинтересованность в развитии демократии в обществе, поскольку это является предпосылкой их существования. Русские националисты разных типов стоят на точке зрения имперского сознания, которое, как известно, отводит главную роль русским в многонациональном государстве.

Национализм, становясь одной из разновидностей новой идентификации, имеет, по предположению, две особенности. Во-первых, он в серьезной мере индуцирован волнами национализма в республиках бывшего СССР и связан, если говорить о русских, с положением русского населения в этих регионах. В этом качестве он предстает как бы спровоцированным “другими”. Во-вторых, он стремительно обретает основу в нынешней ситуации в России. Мы располагаем оригинальными данными опроса, проводившегося с целью надежного установления “русской доминанты” самосознания горожан русской национальности (осень 1992 г., опрошено 500 человек). Опрос объективно подтверждает существование зон межнациональной напряженности. Опасения по поводу межнациональных конфликтов высказали 34% респондентов. Любопытно, что в своей массе это люди не интересующиеся политикой, которая по их мнению, ведет “к столкновениям простых людей разных национальностей”. По их мнению, прежде всего, политики “проливают людскую кровь” и на них переносится вина за все случаи насилия под воздействием национализма, выступающего защитником “обиженного народа”.

Более 30% горожан подчеркивают важность их собственной национальной принадлежности, но именно в связи с тем, что, будучи русскими людьми, они бы ограничили приток в город “кавказцев” и “азиатов”. Еще одна черта этой явно обозначившейся группы населения — уверенность в том, что русскому характеру присущи “душевность”, “доброта”, “героизм”, и одновременно — камуфляж собственной агрессивности страхом, боязнью “кавказской мафии”.

Пути дальнейшей разработки проекта “Качество населения Санкт-Петербурга”

В итоге проведенных в 1992 г. исследований завершена начальная фаза первого этапа проекта — создана концепция изучения качества населения Санкт-Петербурга. С помощью серии аналитических разработок получены принципиально новые данные о состоянии и генезисе отдельных характеристик населения города, намечены основные принципы стратегии изучения теоретико-эмпирического материала.

Реализация проекта в его наиболее существенных чертах позволяет считать, что работа научного коллектива может привести к значимым научным и практическим результатам.

Эту работу в 1993 г. можно представить в виде следующих направлений.

Одно из них, главное, следует логике заявки на исследование и имеет своей целью разработать программу сбора новой эмпирической информации на базе представительных и контрольных выборок как населения Санкт-Петербурга в целом, так и его отдельных слоев. Однако возможности авторского коллектива позволяют значительно выйти за рамки этой цели и осуществить в 1993 г. ряд принципиально новых параллельных разработок. Их ведущими темами станут: изучение стратегии выживания отдельных групп населения в условиях инфляции и экономического кризиса; тренды потребительского поведения; анализ бедности и связанных с нею дестабилизирующих тенденций; сравнительное изучение этнической идентификации и особенностей самосознания русских жителей города, их межэтнических установок по отношению к представителям других национальностей; дальнейшее исследование медико-биологических характеристик населения; расчеты потерь населения Петербурга-Петрограда-Ленинграда от социальных катастроф XX в.; изучение демографической ситуации среди коренных жителей города и др. Тем самым будут созданы предпосылки для многомерного сравнительного анализа данных (с учетом историко-политического и экономического фона прошлого и современного развития города) и оценки основных изменений в качественных характеристиках населения Санкт-Петербурга.

В 2003 г. будет отмечаться трехсотлетие Петербурга. Данные о жителях Петербурга конца XX столетия, сопряженные с разными периодами истории города, окажутся крайне необходимыми. Они составят своеобразный фонд информации, которую нынешнее поколение ученых, представляющих социальные и гуманитарные науки, передаст ученым и жителям города XXI столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Медков В. Н. Качество населения: сущность, содержание, критерии // Народонаселение. Современное состояние научного знания. М., 1991. С. 8.
2. Фурман Д. Е. Наши тревоги и всемирная история // Вопр. Философии. 1990. № 11. С. 53.
3. Гордин Я. От императора Петра до маршала Язова // Всемирное слово. 1992. № 2. С. 30.
4. Фурман Д. Е. Указ. Раб. С. 52-53.
5. Левада Ю. Уходящая натура? // Знамя. 1992. № 6. С. 201.
6. Замошкин Ю. А. Вызовы цивилизации и опыт США. История, психология, политика. М., 1991. С. 11, 16, 22.
7. Там же. С. 60.

8. Фирсов Б. М. Этнос и экологическая культура // Проблемы формирования современной экологической культуры. Вильнюс, 1987. С. 56.
9. Фурман Д. Е. "Капитализмы" тоже бывают разными. Материалы "круглого стола" // Вопр. Философии. 1992. № 1. С. 6-8.
10. Майминас Е. З. Этика труда и отечественная культура. Материалы "круглого стола" // Вопр. Философии. 1992. № 1. С. 3-6.
11. Огурцов А. П. Дилемма насилия. Материалы "круглого стола" // Вопр. Философии. 1992. № 5. С. 3-8.
12. Сорокин П. Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 4. С. 188.
13. Там же. С. 185-187, 189.